

КЛАУДИО МОРАНДИНИ

СНЕГ,
СОБАКА,
НОГА

**СНЕГ,
СОБАКА,
НОГА**

Марлизе, Марко

Была еще доисторическая эпоха,
зима была безмолвием.

Уго Ронфани. Воспоминания о пещерах

ОДИН

Первые признаки приближающейся осени вынуждают Адельмо Фарандолу спуститься в деревню пополнить запасы. Утром, выйдя из хижины, он видит, что вся луговая зелень на пастбище затянута инеем, который не торопится таять. Холодные ветра воцаряются в долине, пробираются даже сквозь стены хижины, будто стучат в дверь днем и ночью. Тучи набухают, нависают над землей, и ничто больше не увлекает их за отвесные скалы.

Значит — вниз, в деревню, пока не стало слишком поздно и снегопад не затруднит путь.

Адельмо Фарандола идет, за плечами — рюкзак. Нужны вяленое мясо, колбаски, вино и масло. Запасов картошки хватит на всю зиму. Сейчас она лежит в хлеву, в темноте, рядом со старой пастушеской утварью, кадками, привязями, маслобойками, цепями, щетками, и тянет блеклые ростки, словно пощекотать хочет. А еще яблоки — в ящиках; от мороза они огрубеют, но есть-то их можно будет. Адельмо Фарандоле нравится вкус подпорченных яблок, от которого сводит зубы, вкус, который проникает по волоскам в самые ноздри; яблоки отдают мясом, подтухшим, залежавшимся после удачной охоты. Яблок на зиму хватит. А колбаски нужны, и вино. Вино и масло. Масло и соль.

Ветер сдувает его в сторону, пока он спускается в поселок. Усталость неожиданна, и почти смешит мысль о том, как он устанет на этом ветру, возвращаясь, на подъеме. Тропинка скользит вниз по расщелинам и плоскогорью, теряясь среди трухлявых пней,

высокой травы, осыпающихся непрестанно камней, но человек знает, как не заблудиться.

Осень здесь, на полпути, окрасила лиственницы в бледно-желтый цвет. Не та задорная нахальная осень, что буйно расцветивает в долине виноградники, массивы ольхи и каштанов. Листья тут умирают мгновенно, засыхают вмиг на ветвях, не успев опасть.

Когда-то Адельмо Фарандола появлялся в селе чаще, чтобы по большим праздникам послушать оркестр. Он прятался за стенами домов и позволял музыке вводить его в странное состояние. Но быстро прекратил это делать, потому что кто-нибудь замечал его, направлялся к нему, протягивал руку, пытался перекинуться парой слов. Теперь, если он и спускается, доходит только до середины буковой рощи и слушает оркестр, надежно укрытый листвой и ветвями. Музыка долетает сюда неотчетливой смесью ударов барабана, всхлипов труб, ее приносит ветер, но ему этого достаточно; иногда удается узнать мелодию-другую и тянет ее напевать, он это и делает, но тихо-тихо, потому что не хочет, чтобы его обнаружил кто-нибудь проходящий мимо, готовый направиться к нему, пожимать руку, не отпускать ее и спрашивать у него о чем-то, чего он не знает, не помнит или не хочет знать либо говорить.

Вскоре, однако, и от оркестра его начинало воротить. Казалось, их там слишком много, слишком они шумные, слишком веселые. Он сплевывал на землю и взбирался снова наверх, к своему жилищу, думая, что оркестр этот скверный и селяне все идиоты, а музыка совершенно бесполезна.

Но иногда ему снится тот оркестр, и во сне он слышит прекрасные мелодии, превосходно исполняемые музыкантами. Бесстрашно пристраивается за оркестром, идет за ним и во весь голос повторяет эти ме-

лодии, которые напомнили бы ему о чем-то из его юности, если бы воспоминания у него сохранились, о танцах с девушками и особенно о ссорах и драках с другими претендентами, о долгих беседах с девушками, состоявших по большей части из пауз, вздохов и пьяной икоты.

Какое-то смутное ощущение возникает у Адельмо Фарандола, когда он подходит к первым домам деревни. Он оглядывается, и все кажется ему не таким чуждым, как обычно, когда он возвращается закупиться, проведя много месяцев в горах, в одиночестве. Он уверенно выходит на главную улицу, единственную, которую можно назвать улицей, и с легкостью, удивляющей его самого, направляется к магазину, единственному, который можно назвать таковым. Витрина лавки, заваленная запыленными инструментами, подарками, выцветшими от долгого лежания на солнце, смотрит на площадь у церкви, единственную площадь, которую можно так назвать. В лавке продают все — еду и сельскохозяйственные инструменты, белье и газеты, даже какие-то женские побрякушки. Адельмо Фарандола входит, склоняя в дверях голову, как склоняют ее боязливо при входе в церковь, так делает и он, чтобы не удариться головой о низкую дверную балку в своей хижине.

Женщина в магазине смотрит на него удивленно, улыбается.

— Здравствуйте, — говорит она, — дверь не закрывайте, пожалуйста.

— Здравствуйте, — медленно произносит Адельмо Фарандола. После долгого молчания выговаривать фразы утомительно, и каждое слово кажется трудным, как скороговорка. По рассеянности он закрывает дверь за собой.

— Забыли чего?

— Нет, мне... нужно кой-чего купить.

— Я и говорю. Чего вы в прошлый раз забыли?

В прошлый раз, недоумевают он.

— Так неделю назад. Во вторник, что ли, или в среду. Помните?

— Я... я пришел за припасами.

— Да я поняла. Но вы ведь приходили за припасами, с тем же видом, неделю назад, вот я и спрашиваю, не забыли ли чего, чего-нибудь важного, ведь к нам спуститься — не прогуляться, а потом еще подниматься надо, я так и не знаю толком куда.

У женщины язык хорошо подвешен. А Адельмо Фарандола, привыкший молчать месяцами, утратил и способность слушать, не только излагать.

— И раз вы, дорогуша, в прошлый раз, в тот вторник, ну или в среду неделю назад, изрядно всего накупили, вот я и спрашиваю, чего ж еще позабыли? Или вы сюда добрались только со мной поздороваться? — Женщина смеется, и от раскатов ее смеха у бедного Адельмо Фарандолы бегут мурашки и ему хочется бежать из лавки, ничего не купив.

— Я... не спускался с прошлого апреля... — бормочет он с трудом.

— Да я ж вам говорю, я вас тут видела! Во вторник или среду! Шутите, что ли?

— Нет, я...

Входит еще один покупатель, местный старик, когда-то занимавшийся починкой инструментов. От звука дверного колокольчика Адельмо Фарандола вздрагивает и делает шаг назад, в темный угол.

Старик принюхивается и смеется.

— У тебя что-то стухло? — спрашивает он у женщины.

— Бенито! — женщина смеется, обращаясь к нему. — Синьор Адельмо вот шутит, делает вид, что не

помнит, что на прошлой неделе приходил и весь магазин вынес себе на зиму. Дверь не закрывай, пожалуйста.

Старик опять смеется, трогает седые усы, ничего не говорит.

— Я с апреля не спускался, — бормочет снова Адельмо Фарандола.

Старик смеется и замолкает.

— Да скажи ему, Бенито, во вторник или в среду он здесь был и магазин мой ограбил.

— Э, я тебя тоже видел, — усмехается старик.

— Но где?

— Прямо тут, на улице. Ты был нагружен, как мул.

— Вот, а я что говорила? — изрекает женщина с торжествующим видом. — Но синьор Адельмо вечно пошутить любит, делает вид, что не помнит.

Адельмо Фарандола молчит в свой черед. Он никогда не шутит, не умеет шутить, не знает даже, что значит шутить, и если б ему вдруг взбрело в голову пошутить, никто бы и не заметил, потому что шутить он не умеет, его приняли бы разве за придурка, что сейчас и происходило.

— Ну и чего вы хотите? — спрашивает женщина уже более деловито, поскольку пришел другой покупатель.

— Ну, я... Я...

— Вы, да.

— Я точно не помню, что брал в прошлый раз...

— Как не помните?

Старик смеется себе под нос, видя беспамятного горца.

— Не помню, что купил... так что мне надо бы соль...

— Да я вам три пачки дала!

— ...Масло...

— Три кило! И куда вы дели все это масло?

— ...Вино...

— А, этого мало не бывает, — усмехается старик.

— Вам той бутылки мало? Я когда смотрела, как вы со всем этим уходите, думала, оно там у вас никогда не закончится! Но как вам это удалось, а? — И добавила, снова подмигивая: — Не говорите только, что вы ее за день прикончили.

А старик все смеется, смеется:

— Вино быстро кончается.

Все, довольно; чтобы не уходить с пустыми руками, Адельмо Фарандола берет две большие бутылки красного и три пары шерстяных носков. Расплачивается крупными купюрами, скрученными и замусоленными, которые женщина берет в руки со вздохом. И выходит на ветер, уже зимний.

— Дверь не закрывайте! — кричит женщина вслед.

Воспоминание, пока нечеткое, пробивается в его голове. Эти дома, камни кажутся действительно более знакомыми, чем должны бы. Он был недавно в лавке и запаса провизией — женщина права. Припоминаются подъем в горы с тяжелой бутылкой и прочими покупками, пот, боль в руке и спине, тяжелое сопение, которое было его собственным, но которое он по рассеянности посчитал чужим и оттого несколько раз останавливался и спрашивал: «Кто там?» Или это воспоминание о других днях, когда он шел по этой дороге с тем же грузом, в прошлые годы? Он покачивает головой долго-долго, сворачивая на улицу, ведущую из деревни, которая становится колеей среди длинных чернеющих полей и огородов, где пахнет уже гнильем и капустой, а потом — тропкой, тянущейся наверх, до первых лиственниц, к горным пастбищам.